

АЗЕР АБДУЛЛА

А ТЕПЕРЬ Я ОТВЕЧУ ¹

Нас с детства воспитывали в духе дружбы и братства между народами. Этими чувствами были проникнуты произведения многих поэтов и композиторов, писателей и художников. Священнослужители, читая проповеди в мечетях и приводя примеры из Корана, уверяли нас в том, что человек человеку брат. Потому мы, азербайджанцы, гостей и соседей своих любили порой больше самих себя, встречали их всегда с большим радушием. Не зря ведь у нас в народе говорят: хороший сосед ближе брата.

Помню, как в конце 50-х годов я уверенно стучался в двери нашего свояка-армянина в Мегри, когда поздно ночью с поезда и не мог добраться до своего дома. Всякий раз его семья встречала меня с распростертыми объятиями, с улыбками на лицах. И вот однажды я случайно услышал, как пятилетняя внучка нашего свояка напевала куколке песню про Андраника, про того самого генерала Андраника, возведенного армянским народом в ранг национального героя, который, совершая набеги на мирные тюркские села, беспощадно убивал их жителей. В одном только Зангезурском уезде в результате таких набегов было убито 10.068 человек, уничтожено и разорено множество сел, изгнано более 50 тысяч жителей. И меня вдруг осенило: а ведь пройдут годы, эта пятилетняя девочка станет матерью, и тогда она вновь будет напевать эту же песню, укладывая спать уже не куколку, а родное чадо свое, прививая ему, таким образом, с колыбели чувство ненависти к тюркам, а значит, к нам, азербайджанцам.

Увы, такова историческая действительность, и забывать об этом мы теперь не имеем права.

...В ноябре 1988 года изгнанные с территории Армении азербайджанцы заполнили Баку. Оставшихся без крова и имущества, их можно было узнать в толпе по мешковатой, часто с чужого плеча одежде, по растерянным взглядам. Их присутствие еще более накалило и без того беспокойную обстановку в городе. Эти «назойливые» беженцы, в одночасье потерявшие и дома, и работу, стали, как многим показалось, вмешиваться в дела коренных жителей нашей столицы. Кто-то из беженцев бросил упрек в адрес девушки с ярко накрашенными губами. А кто-то пытался пристыдить другую за сарафан с чрезмерно глубоким вырезом... и в городе стали поговаривать о том, что «беженцы во все суют свой нос». Так несколько оброненных реплик послужили причиной появления слухов, сеющих неприязнь к беженцам. В этой связи я хотел бы обратиться ко всем бакинцам – отцам и матерям, братьям и сестрам.

Родные мои, помните, далеко не всем из почти что 200 тысяч прибывших в Баку из далеких сел, деревень знаком уклад городской жизни. Пройдет год или два, и притрутся они к местным традициям и обычаям. Так давайте будем более терпимы к ним, не стоит судить их слишком строго. Не заслуживают они обвинений в трусости и малодушии. Ведь не год и не два терпели они притеснения в Армении – кампания эта началась еще 70 лет тому назад.

В напряженные ноябрьские дни 1988-го мне как-то задали вопрос: «А сам-то почему переехал сюда?» Я разгорячился и не смог тогда толком ответить. Постараюсь сделать это теперь.

¹ Статья была впервые опубликована в августе 1990 года в журнале «Молодежь» («Gənclik»).

Шести-семилетним мальчишкой я впервые услышал слово «Мюлюшу». Помню реакцию отца, когда это слово произносили при нем. Лишь спустя годы я узнал, что местность, именуемая «Мюлюшу», богатая лесами, эйлагами и полями, некогда принадлежала нашему селу Лек. В двадцатые года эти плодородные земли были незаконно переданы соседнему армянскому селу. Куда только не обращался мой отец (в те годы председатель колхоза), чтобы вернуть отобранные земли. Но тщетно.

Когда-то одна страница выходившей в районе на армянском языке газеты «Аракс» (Араз) была на азербайджанском языке. Однако в 1949 году азербайджанский раздел газеты был закрыт.

Выпускники семилетней школы в нашем селе, желавшие продолжить учебу, вынуждены были ходить в школу в село Алдере, аж за тридцать километров. Если не удавалось поймать попутную машину, приходилось преодолевать это расстояние пешком.

Со временем в нашем районе были заасфальтированы все дороги, ведущие в армянские села. Асфальта не хватило лишь на двухсотметровый участок между нашим селом и главной магистралью. А 12 км пути от райцентра Мегри до селения Лек?! В то время, как от Мегри до всех высокогорных сел района курсировали маршрутные автобусы, село Лек и в этом вопросе явилось исключением.

...Группа выпускников профессионально-технического училища, находившегося в поселке Охчу (теперь Каджаран) в Зангезуре, по направлению поехала работать в поселок Экерек (теперь Агарак) Мегринского района. Нас было пятеро: двое – азербайджанцы, трое – армяне. Несмотря на равные квалификации, нам, азербайджанцам, в месяц выплачивали не более 100-120 рублей, в то время как армяне получали по 300-350. Мы неоднократно указывали на это, жаловались, но все было безрезультатно.

...Вспоминаю убитых армянами много лет назад Салима Нифтали оглу из соседнего села Лехваз и Магеррама Мурад оглу из нашего села. Магеррам был прямым, бойким на язык и справедливым человеком. Работал он на горных промыслах. Любил говорить правду в лицо, за что армяне называли его «демагогом». Он был убит армянином из села Лехваз. Все прекрасно знали, кто совершил это убийство, однако уголовное дело, возбужденное следственными органами, так и не было доведено до конца... Вспомнился мне и наш односельчанин Азиз Муртуз оглу. Он возделывал участок земли, расположенный неподалеку от нашего села. Армяне время от времени вторгались на этот участок, уносили с таким трудом выращенный урожай плодов и ягод. Однажды на участке обнаружили труп Азиза с признаками насильственной смерти. И на этот раз «не удалось» найти убийцу...

Вот мы и не выдержали такой жизни – я поехал учиться, а мой друг Кямран возвратился в родной Зангелан.

Я окончил университет. Зная о том, каким образом в роно распределяют часы среди преподавателей, и о повсеместном притеснении работников азербайджанской национальности, резонно ли было мне возвращаться в родное село?

...40 лет назад в Мегри, получив диплом медика, вернулся Наги Касум оглу. За короткий срок молодой детский врач своими знаниями и умением прославился на всю округу. Как и азербайджанцы, так и армяне, прживающие в Мегринском районе, старались показать своих детей именно ему. Затем к нему стали приезжать пациенты из соседних Зангелана, Ордубада, Нахчывана. Такая популярность Наги не давала покоя местным врачам-армянам и его стали всячески притеснять. И вот 15 лет тому назад доктор Наги покинул родину предков и переселился в Баку. Та же участь постигла и стоматолога Рафаэля Наджар оглу, в конце концов и он был вынужден уехать в Баку. Вынужденно покинули места постоянного проживания Бахман Мешкур оглу, Фаррух Али оглу, Фильман Теймур оглу, Ибрагим Али оглу и десятки других специалистов с высшим образованием.

С тех пор, как себя помню, односельчане сетовали: «Пока – живем, а что будет здесь завтра – одному Аллаху известно...»

А еще врезались в память слова Игната, армянина, работавшего каменщиком (его прозвали Дэли Игнат). Строя дома для азербайджанцев, он любил время от времени приговаривать: «Стройте, стройте днем и ночью, все равно рано или поздно все это будет нашим».

Слова его оказались пророческими. В течение двух недель азербайджанцы были изгнаны не только из населенных пунктов Мегринского и Кафанского районов, не только из Зангезура, но и из других районов Армении, где они проживали. Лишь спустя некоторое время мне и многим таким, как я, стало понятно, что вся эта кампания по изгнанию азербайджанцев из Армении проводилась с ведома Компартии Армении и с молчаливого согласия Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем Михаилом Горбачевым. После того, как был полностью завершён акт изгнания азербайджанцев из Армении, страницы периодической печати украсило «мудрое и гуманное» постановление Политбюро. Согласно этому постановлению никому, оказывается, не дано права оскорблять человека по национальному признаку, те же, кто осмелится это сделать, будут строго наказаны. А как быть с десятками тысяч уже появившихся беженцев из Армении? Об этом ни слова.

В то время, как в самой сердцевине Азербайджана, в Ханкенди (Степанакерт), местным армянам удалось изгнать проживающих по соседству азербайджанцев, в то время, как мы не смеем сунуть носа в этот город, превратившийся в гнездо дашнакского отребья, некий «интеллигент» соизволил задать мне вопрос: почему проживавшие в Армении азербайджанцы не объединялись в единый союз?

Выходит, сельчанин, идущий в поликлинику, на базар, в магазин, или женщина, которая направляется на роды в больницу, должны были вести с собой всех жителей села? Если оказавшаяся в райцентре колхозница, стыдливо опустив голову, обедает в районной столовой, а кем-то брошенная кость попадает ей в тарелку и обдаёт жирными брызгами, или кто-то из проходящих мимо армянских пройдох смачно сплевывает ей в суп; если, проходя мимо группы армянских подростков с любимой девушкой или сестрой, ты слышишь грубую брань в твой адрес, оскорбляющую твоё человеческое достоинство, и если подобные инциденты повсеместно происходят с твоим братом, другом или односельчанином, то, как вы думаете, товарищ «интеллигент», с какими чувствами или надеждами можно оставаться там?

Когда директор школы села Лек (армяне переименовали его в Вартанизор) Мегринского района Аваз Алиш оглу, учитель русского языка той же школы Имангулу Худаверди оглу и председатель колхоза Баба Мустафа оглу добрались до расположенной близ района заставы и в панике поведали её начальнику о том, что около пятисот вооружённых армян ворвались в село и, угрожая оружием, потребовали от его жителей в течение суток покинуть село, начальник заставы в ответ сказал, что в их обязанности входит лишь охрана границы. Его совершенно безучастный взгляд напугал моих бедных односельчан сильнее, чем угрозы армянских боевиков.

Прямо на глазах у вооружённых солдат армянские боевики вершили свои дела! И хоть бы что! В середине 1988 года соответствующие органы изъяли у сельчан охотничьи ружья. До этого армяне зачастую не поставляли в азербайджанские села продукты питания и газовые баллоны. Они днем и ночью звонили в квартиры азербайджанцев и оскорбляли их, угрожая скорой расправой, затем перерезали линии электропередач и телефонные линии, лишив наших соотечественников всякой связи с внешним миром. И вечерами над селами Маралземи и Лек расстилалась жуткая темень. В такие вечера вспоминались трагедии 1905-1918 годов...

Рассказывали,

что в селении Бугуд, в мечети, собралось много азербайджанцев. Армяне окружили мечеть, перекрыли все выходы из нее, бросили в окно ручную гранату, а затем подожгли мечеть...

Рассказывали,

что Гадиму Таир гызы разрубили кинжалами, отрезали ей груди и запихали их в рот грудному ребенку...

Рассказывали,

что в селении Багуд был убит Елчу Шых Гусейн оглу, а затем армяне долго еще глумились над телом покойного...

...Страшная темень опустилась на дома азербайджанцев, смутная тревога переполняла души людей, пытавшихся хоть как-то предотвратить беду.

Истории, одна страшнее другой, передавались из уст в уста.

В тревожные ноябрьские дни 1988 года с ужасом вспоминали трагедию, которая произошла с семьей Гусейнали киши в 1918 году: чувствуя неизбежность нападения озверевшей толпы дашнаков, его отец, чтобы избежать мучений, унижений и позора, собственными руками зарубил кинжалом одиннадцать своих детей и побросал их тела в колодец. Лишь волею судьбы Гусейнали удалось избежать участи своих братьев и сестер...

«Эх вы, трусливо покинувшие родные очаги и могилы предков! Не лучше ли было умереть на собственной земле!» – я столько раз слышал эту и подобные ей фразы на улицах и площадях, в автобусах и метро, что однажды, не выдержав, обвинил своего брата в том, что он и односельчане испугались бог весть чего и покинули родные очаги. Мой младший брат, никогда ранее не позволявший себе говорить со мной на повышенных тонах, на сей раз буквально взорвался:

– Как только совесть позволяет говорить такое! Хоть ты-то не должен делать этого! Ты-то сам сбежал оттуда еще 30 лет назад! Так приехал бы, защитил родное село! До того, как напасть на наше село, армяне побывали в Лехвазе, когда женщины села с криками пошли навстречу этим подонкам, знаешь, что она сделали? Расстегнули ширинки брюк и спросили – этого ли они требуют? Тогда я не думал ни о селе, ни о доме. Все мои мысли были заняты детьми – только бы спасти их! Неужели ты позабыл, что они вытворяли с нашими девушками в селе Багуд в восемнадцатом году?

(Мой брат имел в виду зверские изнасилования 1918 году в Зангезурском селе Багуд совсем еще юных Нисы Аман гызы, Аджерб Нухбала гызы, Соны Джафар гызы, Шахмалы Джалал гызы...)

...Лишь один азербайджанец оставался во всем Мегринском районе – инвалид ВОВ II группы. У него давно уже отказали ноги, и он был прикован к постели. Три дня прошло, как его дети уехали в Баку искать жильё.

Три дня безумолку звенел в его доме телефон. Ожидая разговора с детьми, он был вынужден отвечать на все звонки, и всякий раз в трубке раздавались угрозы, оскорбления и ругань.

– Послушай, товарищ, – пытался он вразумить, – ведь ясно же, что я отныне не останусь здесь. Просто я не могу встать на ноги. Я жду своих детей, они должны приехать за мной.

Но вновь зазвонил телефон. Звонок показался ему громче обычного. Взволнованно, с надеждой поднял он трубку.

– Товарищ Джафаров!..

Голос был знакомым, и это еще более разволновало его.

– Да, да, я вас слушаю.

– Машина ждет вас у ворот. Опоздаете – пеняйте на себя. Я позвонил вам просто из чувства долга, ведь было время, когда мы делили хлеб-соль.

Он так и не вспомнил, чей это голос.

Ему удалось доползти до окна и, опираясь на руки, приподняться. Во дворе стоял «КрАЗ» с замазученным кузовом. Водитель, одной ногой стоявший на подножку кабины, а другой выжимавший педаль сцепления, кивком позвал его. Джафаров отполз от окна, дотянулся до телефона. Он стал звонить в райком, райотдел милиции, еще в несколько организаций с просьбой помочь ему добраться на какой-нибудь машине до вокзала. Когда он в очередной раз поднял телефонную трубку, чей-то голос прокричал: «Эй ты, турок, тебе не понравилась наша машина, так выходи же, тебя ожидает во дворе «Мерседес». Мать твою...»

Он позвонил в больницу и, найдя человека, которого искал, обо всем рассказал ему. Повесив трубку, он снял со стула отглаженную и накрахмаленную сорочку, повязал галстук, надел было костюм, как отворилась дверь. Его спешно уложили на носилки и отнесли в машину «Скорой помощи».

У вокзала его высадили, и машина умчалась. Сидевший прямо на дороге аккуратно одетый интеллигентный человек некогда работал вторым секретарем Мегринского райкома партии. Это был известный во всем районе аксакал Али Алджафар оглу Джафаров. Увидев Али киши, к нему сразу же подбежала группа железнодорожников-азербайджанцев, вернувшихся с обеденного перерыва.

– С вами ничего не случилось, товарищ Джафаров? – спросили его.

Али Алджафар оглы прослезился, чувство безысходной тоски сдавило горло. Покачав головой, он с трудом произнес:

– Ноги совсем отказали мне. Посадите меня на какой-нибудь поезд в ту сторону.

Железнодорожники остановили грузовой состав. Его посадили в открытый вагон со щебнем, и поезд сразу тронулся в путь. Холодный осенний ветер трепал его волосы. Горько улыбнувшись, он посмотрел в сторону рабочих и в знак благодарности кивнул головой. Так расстался он с родной землей, на которой прожил 63 года...

Впоследствии, наслушавшись о невероятных зверствах армян по отношению к азербайджанцам в других районах Армении, я пришел к выводу, что мегринские армяне оказались относительно «порядочными». Возможно, это объясняется тем, что район располагался на азербайджанских землях и в свое время был составной частью Азербайджана...

Теперь во всех грехах обвиняют беженцев. Но позвольте спросить, кто из большой гвардии наших поэтов, ученых, экономистов, социологов, певцов или артистов до этих событий приезжал в Мегри, Кафан, Сисиан, Горис и другие районы компактного проживания азербайджанцев, кто интересовался их жизнью и бытом, кто пытался помочь им? Кто из наших географов и топографов интересовался древними наименованиями рек, сел и других населенных пунктов, расположенных на территории Зангезура и в других частях Армении, где проживали наши соотечественники, какой историк или археолог побывал там?

Чабан из селения Алдере Аллахверди Магеррам оглу видел, как в самом центре Мегри разбирали садовый забор, состоявший из установленных друг против друга изваяний гочей, как грузили в машину статуи в селении Нуведи (с кладбища села Тугут). А кто расскажет о судьбе древнего азербайджанского кладбища, расположенного возле села Маралземи, о судьбе многих других кладбищ, оставшихся на территории соседней республики? Кто?

В селе Лек, в местечке Тугут (в Зангезуре это название встречается часто) есть старая церковь. До сих пор неизвестно, какому народу она принадлежит. На кладбище около церкви на покрытых мхом надгробных камнях изображены кресты. Дорога, соединяющая село Лек с эйлагами, проходит в непосредственной близости от

кладбища. Когда прокладывали эту дорогу, бульдозерист-армянин переусердствовал и снес одно из надгробных камней с изображением креста.

И как вы думаете, что было обнаружено под камнем? Мусульманская могила...

На территории Мегринского района есть место, почитаемое мусульманами, – мечеть Бугукар. Сюда совершили паломничество из Нахчывана, Ордубада, Зангелана и Джебраила, и даже из бакинских сел.

Армяне еще задолго до начала известных событий несколько раз грабили мечеть, делали попытки взорвать этот древний памятник...

В программах азербайджанского телевидения всегда были передачи на армянском языке. На этом языке в нашей республике издавался журнал «Гракан Адрбеджан» («Литературный Азербайджан»). Когда много лет назад у живущих в Ереване азербайджанцев спросили, почему в Армении нет аналогичных изданий и передач, они ответили, что этого, мол, должны требовать власти Азербайджана.

С этим же вопросом я обращался и к отдельным работникам ЦК КП Азербайджана, и к некоторым видным представителям нашей творческой интеллигенции. Они отвечали мне, что подобные вопросы должны решать проживающие в Армении азербайджанцы.

Общество «Вэтэн» занимается проблемами наших соотечественников, проживающих за рубежом. Доброе дело! Но почему оно не интересовалось жизнью и бытом азербайджанцев, живущих совсем рядом, в соседней Армении?

Более месяца скитались по улицам Зангелана беженцы из Мегринского района. Установленные на дорогах посты не разрешали въезд в Баку даже матерям, желавшим навестить своих детей, обучавшихся в вузах столицы республики. Аксакалы неоднократно направляли руководству письма с просьбой осуществить обмен селами: армянскими, расположенными в Азербайджане, в том числе в НКАО, на азербайджанские – в Армении. Но бывший партийный лидер Азербайджана, имя которого сегодня даже не хочется упоминать, не дал на это своего согласия и нанес тем самым еще одну рану нашему горемычному народу. Вот и устремились беженцы туда, где еще была для них хоть какая-то надежда. А что им было делать?

...Преодолев в пути множества переград, кое-как добрались до Баку мои брат, сестра и родственники. Все они долгие месяцы искали для себя жилье. Как-то мы сидели дома, удрученные создавшейся ситуацией, издерганные и нервные.

– Будьте терпеливыми, – утешала мать, – все уладится, дети мои. Благодарите Аллаха, что все обошлось без жертв... Отец рассказывал, как армяне дважды поджигали наши дома. Вот теперь еще... А вы спрашиваете, почему мы бедны?..

– Мама, ты помнишь резню 1918 года?

– Конечно же, помню. Армяне внезапно начали обстрел нашего села с трех сторон. Тогда село располагалось там, где сейчас эйлаги. Мужчины стояли в дозоре. Однако и тогда у наших не было оружия. Имевшиеся ружья были устаревших образцов. Мы ожидали нападения армян. До сих пор помню свист пуль и изрешеченные стены нашего дома. Я была тогда ребенком и не очень-то понимала, что происходит вокруг. Но помню, с каким любопытством я рассматривала на стенах дома следы от пуль... Но мама затащила меня в дом. Когда стемнело, все жители нашего села побежали к ущелью. Говорили, что первой жертвой армян в нашем селе стал Эмин Мухаммед. Это был дюжий, видный парень. Спустившись к реке, мы побежали в сторону Хыбыра. Твоя бабушка бежала, взвалив меня на спину. Когда же уставала – а она была в положении, приходилось опускать меня на землю. Но я не успевала за ней, и тогда она вновь тащила меня на спине... когда мы почти добежали до леса, что-то сильно обожгло мне ногу. Одновременно раздался крик матери. Она опустила меня на землю, я увидела, что ее ноги в крови...

...Мама прервала рассказ, сняла джораб, положила ногу на диван и подозвала к себе.

– Видишь? – спросила она, показывая красное пятнышко возле мизинца. – ...Пуля, слегка задев меня, – продолжала она свой рассказ, – насквозь пробила мамину ногу, к счастью, не задев кость. Стрельба не прекращалась. Страх утроил силы людей. Бедная мама, она даже не перевязала свою рану, схватила меня за руку и потащила в лес...

– Как же вы после всего этого ужаса вновь возвратились в Мегри?

– Тогда, дорогой мой, была какая-то власть, существовал порядок, не то, что сейчас. Да и как мы могли не возвратиться? Ведь это была земля наших предков. А она, как известно, тянет к себе...

Мама еще долго рассказывала о событиях 1918 года. Конечно, не все из услышанного мне удалось запомнить. Но эта история навсегда врезалась в мою память. О, Аллах, эта женщина 70 лет никому не рассказывала о том, что ей пришлось пережить тогда. Никому, даже родному сыну! Не знаю, правильно она поступила или нет. Но всякий раз, когда вспоминаю красное пятнышко на маминой ноге, на память сразу же приходит песня об Андранике, которую напевала внучка нашего свояка-армянина. И я уже несколько иначе воспринимаю переполненные антитуркскими настроениями, а значит, и антиазербайджанскими, многочисленные публикации в периодической армянской печати, книги, кинофильмы и радиопередачи. Я прихожу к выводу: вся беда азербайджанцев в том, что они очень скоро забывают причиненное зло, а беда армян в том, что они так же скоро забывают о проявленной по отношению к ним доброй воле.

... Кто же так проклял вас, беженцы? Там над вами издевались и измывались армяне, вынудив-таки покинуть родные очаги, а здесь... Какими только эпитетами не наградили вас здесь свои же соотечественники! Они считают: вы всю жизнь только мечтали о том, чтобы переселиться в Баку. Откуда они могут знать, как, например, строили свои дома в селе Лек. Мне было примерно столько же лет, сколько сейчас моему сыну. Из высохшего русла реки мы доставали камни и перетаскивали их на своих плечах. Когда в русле не оставалось камней, мы выкапывали их в предгорьях... Все приходилось делать вручную...

Тяжелым трудом не одного поколения наши сельчане в условиях горной местности сумели вырастить большие и плодоносные деревья – яблоневые и грушевые, персиковые, вишневые и черешневые, ореховые и алычовые...

Каждый год в пору цветения фруктовых деревьев словно светлели души людей. Могли бы они предполагать, что настанет день, когда им придется все это бросить для того, чтобы потом долгие месяцы скитаться по Азербайджану в поисках жилья?

Мурсал Ширзад оглу. Муж Гюлли биби, ослепший еще 20 лет тому назад, был одним из последних, кто покинул родную землю. Когда армяне уносили с его участка ульи, он сказал:

– Ладно, я ничего не вижу, но вы-то меня прекрасно видите, как же позволяете себе такое?

Один из армян приблизился к нему:

– Не переживай, старик, мы за все рассчитаемся. Я знаю, один улей стоит 150 рублей, но я буду платить из расчета 100 рублей за штуку. 1000 рублей за 10 ящиков, согласен?

– Ну что ж...

Погрузив ульи в машину, он вновь подошел к старику:

– Получай.

Услышав звон монет, Мурсал решил не протягивать руки.

– Полно артачиться, давай руку, я спешу.

Когда Мурсал киши раскрыл ладонь, ему в лицо швырнули горсть монет.

– За 20 копеек штуку! Хватит тебе с лихвой, старый турок.

Красный двухэтажный дом Ганбая Мамаи оглу скорее походил на виллу. Строить его он начал еще 20 лет назад. Когда село было подвергнуто нападению армян, он почти что заканчивал затянувшуюся на два десятилетия стройку.

Его участок земли был в свое время каменистым и совершенно непригодным для выращивания фруктов и овощей. Но недаром говорят, что земля любит трудолюбивых. Ганбай долго и упорно очищал ее от камней и щебня, удобрял. Деревьям, посаженным им, было уже по 20 лет. Каких только деревьев не было на его участке, вплоть до хурмы, кизила и лимона! Увы...

Так ответьте же мне, братья мои, можно ли обвинять людей, оставивших на территории соседней республики прекрасные дома и красивые сады, могилы отцов своих и матерей, в стремлении во что бы то ни стало попасть в Баку? По совести ли это?

Когда где-то в мире попираются права человека, прогрессивные люди планеты поднимают свой голос в защиту поправленных прав; для спасения рыбаков с потерпевшего крушение судна спешат корабли многих государств мира, и в первую очередь моего советского государства. И это правильно, так и должно быть. Но скажите мне, почему наш лидер Михаил Горбачев, объявивший эпоху гуманного социализма, равно как и все остальные члены политбюро ЦК КПСС, дружно молчали, когда в течение двух недель более 200 тысяч азербайджанцев насильственно, под угрозой смерти, были изгнаны из районов Армении, где они проживали, где жили их предки? Стоило завершиться кампании по выселению азербайджанцев, как в Армении сразу же был введен комендантский час.

Поздно...

В один из памятных ноябрьских дней 1988 года у станции метро «Мэмар Аджеми» я повстречал женщину, походившую на призрак. Женщину с растрепанными седыми волосами, потерянным взглядом покрасневших от слез глаз, одинокую в многоголкой толпе суетливо проходивших мимо людей. Она разговаривала сама с собой и с убитым в Армении сыном: «Что я здесь потеряла, зачем я приехала сюда? Почему я не умерла вместе с тобой? Кто теперь будет плакать над твоей могилой!.. Будь ты проклята, судьба! Как у тебя рука поднялась забрать моего сына?! Будь ты проклята!»

В те напряженные ноябрьские дни мне часто встречались люди, которые, жестикулируя, одни шепотом, а другие громко разговаривали сами с собой. Однажды я поймал на себе удивленные взгляды окружающих. В это мгновение я мысленно обращался к Уильяму Фолкнеру, писателю, чье творчество знал и любил: «А ты говорил, что человечество идет по пути прогресса и совершенства.

И я поверил тебе. Ты говорил, что сегодня люди стали лучше, чем прежде. Неужели лучше стали те, кто в холодную, зимнюю пору изгнал из родных очагов более 200 тысяч человек, подвергая их насилию и угрозам».

В те тяжелые дни многие не ведали, что происходит на соседних улицах, в соседних домах, районах, городах.

Бродя по заполненным людьми площадям и улицам, слушая такие разные рассказы о трагических судьбах, видя чудом уцелевших в этом водовороте событий людей, я мысленно беседовал с Василием Беловым и Валентином Распутиным, я обращался к народному художнику СССР Таиру Салахову: «Где вы, почему не слышно ваших голосов!»

Я направил телеграмму Евгению Евтушенко:

«Почему, поэт, молчит твоя гражданская совесть? Поэт, чья душа болит за людей, выстроившихся в очередь за колбасой, поэт, чувствующий малейшую боль любого живого существа! В Мегринском районе Армянской ССР армяне, вооруженные автоматами, гнали перед собой, подобно стаду животных, около 4 тысяч безоружных азербайджанцев до селения Астазур, где дорогу преградила другая вооруженная армянская банда. 4 тысячи человек, среди которых были женщины, старики и дети, выстроились в ряд на узкой тропе, между двумя формированиями вооруженных банд. Страх, плач, слезы...»

А вот отрывки из письма Андрею Вознесенскому:

«Почему вы молчите? Или вы тоже считаете армян, у которых в крови сеять смуту, раздор, «многострадальным народом»? или вы тоже черпаете информацию из пропахнувших армянским коньяком передач Центрального телевидения и материалов центральных газет?»

Так и не дождался я ответов ни на телеграмму, ни на письмо...

Я телеграфировал папе Иоанну Павлу II, в Организацию Объединенных Наций, в Комитет по правам человека с надеждой восстановить справедливость и порядок. Тщетно...

Сейчас я обращаюсь к Гранту Матевосяну:

«Знаешь ли ты, сколько почитателей твоего таланта было в Азербайджане? Раньше, когда я приезжал в Ереван, я рассказывал многим армянским поэтам, писателям и журналистам о том, какого прекрасного писателя обрела литература в твоём лице. Знаю, надо обладать немалым мужеством, чтобы в окружении националистов и фанатиков хотя бы молчать, а не клеветать на соседей, поливать их грязью.

...Я думаю, тебе не стоит представлять Анара, ты прекрасно знаешь этого писателя. А теперь вообрази ситуацию, когда страсти в буквальном смысле слова кипят, из Армении изгоняют наших соотечественников, над территорией вашей республика терпит катастрофу (?) самолет с 69 нашими ребятами на борту, спешившими оказать помощь пострадавшим от землетрясения, идет ответное изгнание армян из Азербайджана, и в такое время Анар выступает с призывом не допускать выселения «азербайджанских» армян. И выступает не в кабинете и не на собрании, а на площади перед миллионной аудиторией взбудораженных и потерявших покой бакинцев.

Помню, как на одном из собраний в Союзе писателей Азербайджана Анар вновь стал призывать иных возмущенных мастеров слова к терпению и благоразумию, и тогда я не выдержал:

– Анар муаллим! Если бы армяне оскорбили или, не дай Бог, убили близкого вам человека, вы были бы так же спокойны и невозмутимы и продолжали бы призывать к миру?

Анар опустил голову, поправил на переносице очки и, скрывая раздражение, вызванное моим вопросом, не глядя в мою сторону, ответил:

– Да, я вновь бы призвал к миру...

А хорошо знакомый тебе Акрам Айлисли! В трудные дни многие неверно оценили его смелое выступление (редакция журнала «Дружба народов» напечатала его с сокращениями, не уведомив о них автора), хотя оно заключало в себе правду.

Горькую, но правду. Да, Грант, среди нашей интеллигенции немало таких, как Анар, Акрам Айлисли, председатель НФА Абульфаз Алиев. А имеются ли такие люди среди вашей интеллигенции?

На мой взгляд, у вас был такой человек. Был – потому, что вы посадили его сначала в тюрьму, а затем, лишив гражданства СССР, выдворили за пределы страны. Я имею в виду Паруйра Айриkyан¹. Он, может быть, лучше остальных разбирался в происходящих событиях, откровенно говорил народу о том, откуда исходит все зло, призывал к установлению добрососедских отношений с тюрками. Пытался не допустить превращения своего народа в игрушку в чьих-то руках. Но Армения, увы, не смогла удержать у себя мудрого и смелого сына.

Грант, долгие месяцы мы бродили по улицам Баку в поисках жилья для высланных из Мегри брата, сестер, родственников. Мы стучались в двери сотен армянских квартир и пытались договориться с их хозяевами об обмене. Но все они отказывались менять квартиры в Баку на Мегри. Тогда мы стали предлагать им дома наших знакомых и родственников в Гейче, Красносельском, Разданском и других районах Армении. Но все они, словно сговорившись, отвечали примерно так: «Мы не хотим ехать в Армению, мы ненавидим их». Сперва я расценивал это как очередную уловку. Но видя, что большинство из них даже Еревану предпочитают переезд в Армавир, Минводы, Красноярск, Ростов, Сочи, Ленинград, Москву и другие города, мне невольно стало жаль их. А как ты смотришь на все это, Грант Матевосян? Ведь армян, не желающих переезжать в Армению, не сотни и не тысячи, а десятки тысяч. Не представляет ли собой этот факт действительную трагедию армянского народа? И задавался ли кто-нибудь из вас вопросом: почему изгнанные из Армении азербайджанцы едут только в Азербайджан?

Я хочу поведать тебе о двух бакинских армянах – Г.Н.Петояне и Г.Р.Дорентеве. Проживая в разных районах Баку и не зная друг друга, оба они покончили жизнь самоубийством и перед смертью написали записки примерно следующего содержания: кончаю жизнь самоубийством, потому что невыносимо быть свидетелем противоправных, постыдных действий армянских националистов. Как, по-твоему, Грант, смогут ли два этих человека стать в армянской литературе прообразами положительных героев?»

Перевод Ильгара ФАРЗАЛИЕВА

Литературный Азербайджан – 2020. – №12 – С. 90–99.

¹ В феврале 1988 – обвинил власти СССР в организации погромов армянского населения в Сумгаите, был лишён гражданства и выслан в Эфиопию, однако затем нелегально вернулся в Армению. Будучи командиром Горисского района, принял меры для обеспечения эффективной защиты и организации переселения азербайджанских беженцев в Сюникский марз. 31 января 2013 года пережил покушение (в Ереване, на улице Тпагричнери у дома родителей), получив ранение в плечо.